

П. К. Романов

«Мысль Вашу я понимаю совершенно...»: роль М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг.*

Значение М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. очень существенно. Он оказывал содействие реформаторским тенденциям не только собственными записками, но и своим авторитетом. Близкое знакомство с миром денег началось для Сперанского в 1809–1810 гг. с коллективной работы по подготовке финансового плана. В состав авторского коллектива входили сановники, имеющие необходимую экономическую компетенцию, среди них, например, были М. А. Балугьянский, Н. С. Мордвинов, Б. Б. Кампенаузен, Ф. Г. Вирст, Д. А. Гурьев. Сперанский модерировал эти заседания, составлял свои записки и занимался редактурой чужих проектов. В историографии существует мнение, согласно которому первенствующее положение в той работе отводится Балугьянскому и Мордвинову. Как отмечал советский экономист В. М. Штейн, «Сперанский в начале своей деятельности был плохо знаком с финансами. Помимо Балугьянского, его учителем, несомненно, был Мордвинов, выступавший активно в качестве экономиста с начала XIX века и бывший соавтором финансового плана 1809 г.»¹. Вместе с тем тот же исследователь

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-28-00769 «Документальная память российской государственности: кейс Сперанского. Новые подходы к изучению рукописного наследия».

указывал: «Сперанский стал экономистом в процессе проведения им реформ. Без Балугьянского ему пришлось бы строить на пустом месте. Работы Балугьянского были законченными экономическими произведениями. Но все же для Сперанского они были лишь материалом, из которого он возводил новое здание»². Итогом такого возведения стал План финансов, реализация которого началась в 1810 г. Согласно данному Плану, основой российской денежной системы объявлялся серебряный рубль, а ассигнации провозглашались государственным долгом и подлежали постепенному изъятию из обращения. Результатом работы по подготовке и реализации экономических преобразований 1810 г. для самого Сперанского стало приобретение основополагающих знаний в данной сфере, которые он впоследствии, благодаря своим талантам, развил, сделавшись одним из наиболее авторитетных участников Финансовых комитетов 1830-х гг. Финансовые воззрения Сперанского были синтезом некоторых элементов количественной и металлической теорий денег. Дореволюционный экономист А. Н. Миклашевский, оценивая значение Сперанского в финансовой истории России, назвал его «ревностным партизаном количественной теории денег»³. Другой дореволюционный экономист П. А. Никольский характеризовал взгляды Сперанского следующим образом: «Мы уже знаем, что гр. Сперанский ясно сознавал правильность только такой системы, при которой в основу положена полноценная монета, а в дополнение к ней выпускались бы кредитные билеты, на монете основанные (банковские билеты в собственном смысле этого слова)»⁴. С определенными корректировками сформированные в 1810-е гг. взгляды Сперанский сохранял всю жизнь.

После отставки Сперанского дальнейшая реализация его Плана финансов по ряду причин была приостановлена. Принятый 9 апреля 1812 г. манифест установил в России ассигнационную денежную систему, которая просуществовала до 1839 г. С середины 1820-х гг. данная система все чаще не соответствовала текущим тенденциям денежного обращения, что указывало финансовому управлению на необходимость преобразований. Возвращенный еще в начале 1820-х гг. в столицу Сперанский был прекрасно осведомлен о текущих проблемах денежного устройства и вновь занялся финансовыми проектами.

Чрезвычайные военные расходы на рубеже 1820–1830-х гг. легли тяжким бременем на российский бюджет, и министр финансов Е. Ф. Канкрин прибегнул к выпуску билетов Государственного казначейства. Согласно манифесту 13 июля 1831 г., учреждались новые билеты номиналом 250 рублей, принимаемые во все подати и сборы, а также приносящие их обладателям 4,32 % годовых⁵. Сперанский еще до опубликования манифеста 27 мая 1831 г. выразил Канкрину свое мнение относительно его нововведения в записке «Мысли

о новых билетах Казначейства». Эта записка стала его первым официальным финансовым проектом 1830-х гг. Примечательно, что в записке 1831 г. Сперанский еще не касался дискуссионного вопроса о дефиците ассигнаций в обращении и даже отрицал его. В подчеркнуто вежливом тоне по отношению к Канкрину, рассуждая о влиянии новых выпусков билетов на понижение курса ассигнаций, Сперанский отмечал: «...нелепые толки о недостатке и потребности ассигнаций, толки людей, с сими понятиями не знакомых, для вас, без сомнения, всегда будут ничтожны»⁶. Через несколько лет он изменит свою точку зрения. Начиная с 1834 г. первый государственный секретарь в своих проектах регулярно будет отмечать нехватку ассигнаций для проведения официальных операций и потребностей общества. В записке же о казначейских билетах он указывал на возможность сузить круг обращения казначейских билетов пределами винного откупа или таможенного сбора и доказывал невыгодность идеи сделать их процентными, так как этот пункт «во-первых — крайне многосложен; во-вторых — дорог и, в-третьих — может повредить достоинству ассигнаций»⁷. Многосложность Сперанский доказывал необходимостью иметь региональным казначействам определенные суммы и инвентарь для ведения всех нужных учетов и операций, что предполагало дополнительные казенные траты. Еще более затратным делом Сперанский считал выплачиваемую сумму процентов, по его выражению, это «есть такая золотая колесница, в коей наши 595 миллионов ассигнаций никогда не путешествовали»⁸. Увеличение массива бумажных денежных знаков и процентная нагрузка, по мнению Сперанского, обязательно окажут негативный эффект, что выступило третьей и главной причиной неприятия им новации Канкринина, так как «билеты в ассигнационном их значении будут представлять не только 30 миллионов, но 31, 32 и даже до 34 миллионов»⁹. Однако в целом первый государственный секретарь не видел опасности повторения казначейскими билетами судьбы ассигнаций из-за срочности их погашения. Впоследствии в учебных беседах с цесаревичем Александром Николаевичем в 1835–1837 гг. Сперанский охарактеризует новые билеты как «текущий долг правительства»¹⁰. Тем не менее, признавая необходимость изыскать дополнительные средства в бюджет, Сперанский предлагал либо снизить проценты, либо выплачивать их в заявленном размере, но только в последний год. Любое из данных решений, по мнению Сперанского, снизило бы затраты казны по выпуску и обслуживанию билетов, но увеличило бы срок их хождения. В качестве альтернативы казначейским билетам предлагались билеты, основанные на серебре, при фонде обеспечения около 10 миллионов, «чтоб количество их не превышало наличности металла более, как втрое или даже вчетверо»¹¹. В течение 1830-х гг. качество предлагаемых билетов в проектах Сперанского будет несколько меняться. Тогда в 1831 г. он предлагал, по сути, кредитные билеты с фондом обеспечения в 1/3 или 1/4 часть с хождением их во внешних операциях и употребляемых во внутренних платежах при уплате податей, вносимых серебром. Беспрерывный размен предлагалось обеспечить

только в столицах и в Риге. Это, по мнению Сперанского, при меньших, чем предполагаемые министром финансов, затратах укрепит внешний кредит, способствует расширению круга обращения монет и упрочит репутацию фондрованных бумажных денег внутри империи. Употребляя к казначейским билетам терминологию Канкрин — «заплатки», Сперанский риторически заканчивает свою записку: «На что же ходить в заплатках, когда можно ходить в серебре?»¹² Введение билетов, обеспеченных серебром, было неотъемлемым элементом финансовых проектов Сперанского на протяжении 1830-х гг. Участвуя в заседаниях Финансовых комитетов, первый государственный секретарь регулярно выносил эту идею на обсуждение в самых высоких кругах, что также способствовало, вопреки воле Канкрин, продвижению реформаторских тенденций. Однако в 1831 г. его мнение еще не было учтено, и казначейские билеты были выпущены по плану министра финансов.

Следующий этап финансового творчества Сперанского можно условно начать с середины 1830-х гг. Тогда, 23 июня 1834 г., на следующий день после заседания Финансового комитета на Елагинском острове, где Николай I впервые предложил принимать более решительные меры, чем Канкрин, Сперанский подал на имя императора записку. В представленном проекте Сперанский предлагал ежегодно устанавливать курс ассигнаций по отношению к монете, принимать золотые и серебряные монеты во все подати и сборы по фиксированному курсу, а таможенные пошлины вносить только серебром. При этом наличные расчеты по словесным договоренностям и долговым обязательствам Сперанский предлагал оставить на усмотрение сторон. Снижением потребности в ассигнациях он предполагал прекратить их возвышение, а корреляцией с серебром устранить простонародные курсы. Также автор записки обратил внимание монарха на существовавшую практику сопротивления приему монет из драгоценных металлов казначействами. Канкрин в целях охранения ассигнационной системы особо такой практике не препятствовал. Сперанский призывал «сделать, чтоб прием допускаем был свободно, без притеснения казначеев»¹³. Не менее важной проблемой первый государственный секретарь видел обращение иностранной монеты. По его мнению, во внутреннем обращении циркуляция иностранной монеты существенно подрывала положение монеты российской и колебала курс ассигнаций, поэтому автор записки призывал начать немедленное изъятие зарубежных денег. Сперанский также предполагал постепенно подготовить почву для билетов на серебре, призывая по возможности заключать все сделки на серебряную монету. «Условие выразить словами: считать серебряный рубль во столько-то ассигнациями»¹⁴. Вскоре по инициативе Канкрин был издан именной указ, данный Сенату 8 октября 1834 г., предписывающий подобную практику, однако впоследствии он доказал неэффективность одних запретительных мер. При этом если Канкрин хотел на этом остановиться, то Сперанский видел в таком шаге лишь подготовительную меру. Николай I,

лично вникая в финансовые проблемы, на том этапе еще не выступал с инициативами и в резолюции, наложенной на записку 23 июня 1834 г., предписывал согласовать действия с Канкриным: «Мысль Вашу я понимаю совершенно и прошу о сем объяснить с министром финансов лично»¹⁵. В записке 1834 г. можно проследить отсутствие такого идеалистического подхода к проведению финансовых преобразований, как в 1810 г. Если тогда Сперанский без приготовлений объявил серебряный рубль основой денежного устройства, а преобладающие во внутреннем обращении ассигнации — государственным долгом с анонсированием их изъятия, то в 1830-е гг. он настаивал сначала на подготовительных мерах, когда по достижении первых результатов можно приступать к более серьезным преобразованиям. «1. Приостановить возвышение ассигнаций и 2. Установить их отношение к серебру. Первое должно строго предшествовать второму»¹⁶.

Дополнительным штрихом к приобретенной Сперанским крайней осторожности в финансовых преобразованиях служит обсуждение в Государственном совете записки К. Ф. Друцкого-Любецкого об увеличении доходов государства без дополнительного обременения населения. Тогда Сперанский выступил против предлагаемого Друцким-Любецким установления неизменяемого курса ассигнаций, продолжая придерживаться высказанного ранее мнения о ежегодно фиксируемом курсе, боясь сильных потрясений денежного обращения. Как отмечено в журнале Финансового комитета 28 сентября 1834 г., на котором продолжилось обсуждение проекта Друцкого-Любецкого, первый государственный секретарь при обсуждении в Совете «отозвался, разделяя мысль, что всякое внезапное возвышение достоинства ассигнаций было бы бедственно, находит, однако ж, что постепенное оных улучшение, на примере в продолжение ста лет, не могло бы причинить такового вреда»¹⁷. Друцкий-Любецкий категорически возражал против такого подхода и продолжал настаивать на паритетности разного рода монет и строгой фиксации их курсов с ассигнациями, отстаивая тезис: «...первое основание финансов, кредита, коммерции и промышленности есть единство и постоянность ценности денег»¹⁸.

Многообразие мнений и неторопливость финансового управления только способствовали эскалации дискуссий. В 1830-е гг. в высших правительственных кругах все чаще обсуждалась тема преобразования денежного обращения, и Сперанский принимал в дискуссиях активное участие. Это нашло отражение и в его отрывочных дневниковых записях, где тезисно друг за другом отмечены основные события описываемых дней. «1835. Генварь. 3. В 3[имнем. — П. Р.] дворце — проект о монетном обращении для прочтения — разговор о финансах вообще... Генварь. 10. <...> — разговоры о монетном обращении, положено, чтоб я сообщил его М. Ф. — о том, что коллегиальное управление в финансах не годится»¹⁹. Как видно, разговоры велись не только о переустройстве денежной системы, но и о более масштабных финансовых преобразованиях Российской империи.

В контексте продолжающихся дискуссий и поиска новых решений Сперанский продолжал разрабатывать финансовые проекты. В адрес Канкринна 15 марта 1835 г. была направлена очередная записка о монетном обращении, в которой Сперанский отмечал, что не видит катастрофы в текущем состоянии денежного обращения, так же как и годом ранее он высказывался в споре с Друцким-Любецким, но находит необходимым начать преобразования с целью дальнейшего установления серебряной основы финансовой системы. Такие меры стали бы решительным ответом наблюдавшимся изменениям в денежном обращении, которые в перспективе могут таить опасность. Сперанский, указывая на бытовавшие мнения о необходимости денежной реформы, высказывался в этой записке за умеренный план: «...обдумать на досуге и приготовить способы, кои можно бы было противополжить сей опасности»²⁰. Для этого он предлагал установить неизменный курс ассигнаций 360 коп., но только вместе с сопроводительными мерами: «1) принимать серебро во всех казенных платежах без изъятия, 2) принимать его, для удобства обращения, не только в натуре, но и в билетах Сохранного банка»²¹. В связи с этим следующие действия касались преимущественно монеты. Сперанский предлагал вместе с ассигнациями допустить прием серебра во все казенные подати. В данной мере он видел ликвидацию простонародных курсов и начало стабилизации денежного обращения: «...серебро потечет везде свободно; оно наполнит собою настоящую пустоту монетного обращения; курсы простонародные исчезнут»²². Первый государственный секретарь также обращал внимание на неэффективность уже принятых мер по частичному допуску серебряной монеты в подати: «...допущение частное, раздробительное здесь ничего не доказывает, это не есть опыт, это есть менее, нежели полумера»²³. К этому, как и в записке 1834 г., Сперанский добавил проблему препятствия приему серебра со стороны казначейств. При этом он подчеркивал, что допуск приема монет из благородных металлов в казенные платежи окажет положительный эффект только после учреждения особого сохранного отделения или Сохранного банка. Предполагалось при Коммерческом банке учредить сохранное отделение с выдачей билетов, размениваемых на серебро и принимаемых в уплату всех податей. Новые билеты предложено выдавать за вклады разного вида монет, в том числе и иностранных, более того, Сперанский допускал участие в операциях и слитков, используя таким образом все способы к популяризации и обеспечению новых билетов. В статье 7 прилагаемого к записке проекта создания Сохранного банка провозглашалось, что вклады «допускаются не только в серебряной и золотой монете, но и в монете иностранной по внутреннему ее достоинству, означенному в особом тарифе. Со временем же прием вкладов может быть распространен и на золото и серебро в слитках»²⁴. Обращение серебряных билетов Сохранного банка как бумаг кредитных, по мнению автора, укрепило бы государственный кредит, тогда как популярность ассигнаций Сперанский объяснял лишь их нехваткой для возрастающего населения и раз-

вивающейся промышленности, «следовательно есть пустота, есть недостаток в монетном обращении — а сей недостаток и сию пустоту никто конечно не называет признаком обогащения»²⁵. Сперанский не видел опасности превращения Сохранного банка в подобие банка Ассигнационного, который занимался только эмиссионной деятельностью. В задачи нового учреждения входило хранение фонда обеспечения билетов, а «из истории Ассигнационного нашего банка не видно, чтоб он когда-нибудь был депозитным; никогда никаких вкладов в нем не было и быть не могло»²⁶. Многие идеи данного проекта были взяты из предыдущих записок: серебряная основа денежной системы и билеты, равнозначно размениваемые на серебро. Сперанский, как и большинство участников финансовых дискуссий того времени, оставлял на усмотрение сторон только платежи по долговым обязательствам, все остальные операции должны были совершаться на тот денежный знак, на который изначально был заключен договор. Также к записке прилагалось написанное рукой Сперанского в адрес Канкрин письмо. Из текста письма прослеживается наличие регулярных сношений первого государственного секретаря с министром финансов, в процессе которых Сперанский учитывал замечания Канкрин и частично нивелировал свои взгляды. Однако в целом Сперанский демонстрировал неизменность с 1810-х гг. своих основных воззрений на устройство денежной системы, с оговоркой относительно удобства времени и сроков реализации прописанных положений и продолжал настаивать на более решительных шагах министра финансов. Сперанский отмечал, что замечания Канкрин для него очень важны, «ибо дали мне случай поверить себя с большею строгостью. Результат сей проверки изволите усмотреть из бумаги при сем прилагаемой. Мнение мое о сем предмете не изменилось; на случай нужды я мог бы доказать актами, что оно в 1811-м году было то же, что и ныне. Ныне оно получило только более силы: ибо все, что можно против него сказать лучшего и основательнейшего, сказано в ваших примечаниях. После всего остается один вопрос: время, когда могут быть предположения сии приведены в действие — вопрос сей решат обстоятельства»²⁷. В свою очередь Канкрин продолжал занимать охранительную позицию. В ответном письме 7 мая 1835 г. он по-прежнему отвергал кардинальные изменения денежного устройства. Министр финансов находил введение серебряной основы денежной системы делом далекого будущего и невозможной ликвидацию престоноародных курсов с помощью фиксации ценности ассигнаций, а сохранные билеты, по мнению Канкрин, будут неспособны обеспечить достаточную циркуляцию серебра при мелочных повседневных операциях из-за своих крупных номиналов²⁸.

Отвергнутый Канкринным проект Сперанского 1835 г. содержал схожие с последующими проектами самого министра финансов тезисы. В 1837 г. Канкрин с некоторыми отличиями представит проект Депозитной кассы при Коммерческом банке, предполагавший введение в обращение обеспеченных депозитных билетов, при этом с введением мелких номиналов.

Последняя масштабная записка о денежном обращении создавалась Сперанским в 1838–1839 гг. и была интересна «не только в смысле воззрений ее автора, но и по богатству собранного автором фактического материала»²⁹. Проект был закончен 22 января 1839 г. и на следующий день отправлен министру финансов. Данная записка публиковалась как в дореволюционных изданиях, так и современных. Стоит отметить, что этим проектом Сперанский подвел итог своей финансовой деятельности. В записке, помимо экскурса в историю российского денежного обращения, отстаивались прежние фундаментальные для первого государственного секретаря финансовые постулаты: провозглашение серебряной монеты основой денежной системы, фиксация курса ассигнаций и введение новых билетов, равноценно размениваемых на монеты из драгоценных металлов. Как и прежде, Сперанский предлагал поэтапную реализацию финансовых преобразований. Меры подготовительные включали комплекс мероприятий: введение сохранных билетов, принимаемых во все платежи, с обеспечением их вкладами золотых и серебряных монет и фиксация постоянного курса ассигнаций в размере податного курса 360 коп. Такие шаги, как указывал Сперанский, снизили бы потребность в ассигнациях, остановили их возвышение и увеличили спрос серебряной монеты. Первоначально формировать фонд обеспечения билетов Сперанский предлагал из поступающего в подати серебра и хранить его в Коммерческом банке. Кредитным установлениям предлагалось прекратить прием вкладов в монетах из благородных металлов под проценты. Расчеты по договорам, заключенным на ассигнации, Сперанский предлагал платить по возможности серебром, что снизило бы еще более потребность в ассигнациях и возвысило ценность монеты, «таким образом, курс 360 делается не податным только курсом, но курсом всеобщим»³⁰. Допуск серебра, как утверждал автор записки, необходимо сделать и для операций кредитных установлений, чтобы избавить от спекуляций на разнице в курсах капиталы заемщиков и вкладчиков, так как прибыль последних «означает тот убыток, который именно от того же самого возвышения несут заемщики»³¹. Итогом всех подготовительных мер должна была стать минимизация спроса на ассигнации. Именно в высоком спросе Сперанский видел главную причину возвышения бумажных рублей и катализатор развития системы простонародных курсов. Допуская неофициальное сохранение простонародных курсов, Сперанский отмечал: «...биржевой денежный курс, если он и будет существовать при курсе законном, не будет иметь значительной с ним разности»³².

Окончательная мера, как утверждал Сперанский, может быть реализуема, «когда уже все меры приуготовительные воспримут полное свое действие»³³. Она заключалась в обмене ассигнаций на кредитные билеты через сохранные кассы Коммерческого банка, где содержался бы фонд обеспечения. При этом Сперанский предлагал образовать такой фонд за счет внутренних и внешних займов, «но никак не касаться ко вкладам сохранный казны, кои должны быть, как депозиты, во всех случаях неприкосновенными»³⁴. Для стимуляции разме-

на первый государственный секретарь предлагал производить его по ежегодно назначаемым номерам ассигнаций, но с сохранением их платежеспособности до конца обменной кампании, «и одно только промедление всех сроков размена подвергает нумер ассигнации решительному уничтожению»³⁵. Начать реализацию положений записки Сперанский предлагал немедленно, с поэтапным введением означенных мер.

Данный проект стал одним из основополагающих в деле продвижения реформаторской тенденции и формирования концепции финансовых преобразований накануне начала денежной реформы. В журнале соединенных департаментов законов и экономии Государственного совета, заседавших 18, 29 марта, 5, 9, 12, 14, 26 апреля и 3, 5, 13, 15, 31 мая 1839 г., отмечено: «Мнения графа Сперанского и князя Друцкого-Любецкого в основных началах своих, столько сходятся между собою и с проектами министра финансов, если следовать не одним лишь первообразным, но и присоединившимся к ним впоследствии предположениям его, — что отдельное по каждому из мнений сих заключение представлялось бы неудобным, и вместе совершенно излишним. По сему они обозреваются здесь не порознь, а в общей их совокупности»³⁶. Чиновник Министерства финансов и сподвижник С. Ю. Витте А. Н. Гурьев отмечал: «Записка графа Сперанского оказала несомненно громадное влияние на министра, и из найденных замечаний на нее графа Канкринна Государственный Совет впервые ознакомился с новым проектом министра, значительно отличавшимся уже от его первоначальных предложений»³⁷. Влияние Сперанского на Канкринна также обусловлено личностным фактором. Как выразился американский историк У. Пинтнер: «Канкрину было относительно легко принять предложения Сперанского, с которым у него были хорошие отношения, тогда как одобрение предложения Друцкого-Любецкого заставило бы высокомерного и упрямого министра признать, что его самый откровенный критик в конце концов был прав»³⁸. Ценность данной записки также заключается в наиболее корректном предложении определения лаж. Записка Сперанского 1839 г. — единственный проект, дошедший до обсуждения в высших государственных учреждениях, давший четкое понятие лажа, которое впоследствии стало его классической дефиницией: «...он означает те проценты, коими, при платеже за товар серебром, возвышают серебро против разменной его цены; а при платеже ассигнациями, он означает те проценты, кои уступаются из цены товара на ассигнации»³⁹. Также Сперанский различал понятия, которые большинство его современников и исследователей, создавая некоторую путаницу в определениях, соединяли в целое: лаж и ажио. В записке 1839 г. отмечено: «Ажио употребляется при размене одной монеты на другую»⁴⁰. По мнению Сперанского, ажио — это разница между ценностями денежных знаков. «Но между сим ажио и тем, что ныне называют лажем, большая есть разность, хотя последний по-видимому ни что иное, как простонародное выражение первого»⁴¹. Дореволюционный исследователь И. И. Кауфман так оценил вклад Сперанского в формирование

определения лаж: «С тою удивительною основательностью, с которой он глубоко и всесторонне способен был осиливать самые сложные и разнообразные вопросы, на которых останавливался его пытливый ум, он один сумел вникнуть в существо “простонародных лажей”, как никто из его современников»⁴². Современный экономист А. Н. Дубянский также подчеркнул столь ценную особенность: «Двойственное толкование категории лажа отличало М. М. Сперанского от других ученых, которые в большинстве своем не признавали транзакционной и монетарной природы этого явления»⁴³. В целом значимость Сперанского в обсуждении финансовой реформы зафиксировал М. А. Корф: «Не смотря на оставшуюся сильную слабость, он тотчас стал заниматься важным вопросом, обсуждавшимся в то время в соединенных департаментах законов и экономии Государственного совета, в которых ему, как старшему, следовало председательствовать. Это было дело об уничтожении простонародного лажа на монету, отложенное до его выздоровления, но в окончательном решении которого он уже не принимал участия»⁴⁴. Последние записки, над которыми работал уже недомогающий Сперанский, были посвящены финансам. Так охарактеризовал предсмертные месяцы Сперанского Корф: «Действительно, настоящего, полного выздоровления уже не было, а усиленные через меру работы по делу о лаже окончательно истощили силы больного»⁴⁵. 11 февраля 1839 г. Сперанский скончался, не дожив несколько месяцев до начала денежной реформы, которая установила в России серебряный монометаллизм, ревностным поборником которого был этот великий реформатор.

В заключение стоит отметить, что нельзя полностью согласиться с высказыванием американского историка М. Раева: «Сперанский также принимал заметное участие в долгих и затяжных дискуссиях, которые привели к денежной реформе 1839–1840 гг. Но его взгляды не преобладали над взглядами министра финансов графа Канкрин»⁴⁶. Также трудно подписаться под каждым словом из вывода современных исследователей: «В результате денежная реформа вошла в историю денежного обращения России как “реформа Канкрин”, осуществившего ее в 1839–1843 гг. Но ее по праву следует именовать “реформой Сперанского — Канкрин»⁴⁷. Действительно, финансовые проекты Сперанского 1830-х гг. по ряду причин не были реализованы, однако авторитет первого государственного секретаря и его мнения имели колоссальное влияние как на сторонников реформы во главе с императором, так и на ее противников, возглавляемых Канкриным. Наиболее корректно итог финансовой деятельности Сперанского подвел дореволюционный экономист и сенатор В. Т. Судейкин: «Таким образом, представляется несомненным, что Сперанскому принадлежит крупная заслуга в выяснении и направлении такого крупного вопроса, как восстановление металлического обращения»⁴⁸.

- ¹ Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. С. 53.
- ² Там же. С. 41.
- ³ Миклашевский А. Н. Деньги. Опыт изучения основных положений экономической теории классической школы в связи с историей денежного вопроса. М., 1895. С. 579.
- ⁴ Никольский П. А. Бумажные деньги в России. Казань, 1892. С. 269.
- ⁵ Манифест об учреждении на время билетов Государственного казначейства суммой на 30 миллионов рублей ассигнациями // ПСЗ РИ. Собр. 2. Отдел. 1. Т. VI. СПб., 1832. № 4704. С. 679–681.
- ⁶ Сперанский М. М. Мысли о новых билетах Казначейства // Русская старина. 1873. Т. 8. Кн. 10. С. 587.
- ⁷ Там же. С. 586.
- ⁸ Там же. С. 587.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Сперанский М. М. О законах. Беседы с Его императорским Высочеством Государем Великим князем наследником цесаревичем Александром Николаевичем М. М. Сперанского с 12 октября 1835 по 10 апреля 1837 года // Сборник Императорского Русского исторического общества (РИО). СПб., 1880. Т. 30. С. 416. См. также: *Сперанский М. М. Избранное / Вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2015. С. 283.*
- ¹¹ Сперанский М. М. Мысли о новых билетах Казначейства // Русская старина. 1873. Т. 8. Кн. 10. С. 588.
- ¹² Там же.
- ¹³ Сперанский М. М. Записка о недостатках в пользовании ассигнационными деньгами и о мерах их устранения // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 132. Л. 6.
- ¹⁴ Там же. Л. 8.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ Выписки из записок кн. К. Ф. Друцкого-Любецкого, кн. В. П. Кочубея, гр. Ф. П. Палена и др. документов об упадке курса ассигнаций и несовершенстве монетной системы // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 55. Л. 14 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 15.
- ¹⁹ Сперанский М. М. Дневниковые записи. 22 ноября 1831 г. — январь 1835 г. // ОР РНБ. Ф. 731. Д. 46. Л. 3 — 3 об.
- ²⁰ Сперанский М. М. Записка о монетном обращении // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 134. Л. 4.
- ²¹ Там же. Л. 10.
- ²² Там же. Л. 8 об. — 9.
- ²³ Там же. Л. 8.
- ²⁴ Там же. Л. 17 — 17 об.
- ²⁵ Там же. Л. 12 об. — 13.
- ²⁶ Там же. Л. 14.
- ²⁷ Там же. Л. 1 — 1 об.
- ²⁸ Канкрин Е. Ф. Письмо к М. М. Сперанскому об учреждении Сохранного серебряного банка, о переводе счета на серебро // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 83. 2 л.
- ²⁹ Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Т. 1. Харьков, 1899. С. 142.
- ³⁰ Сперанский М. М. Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкринна. СПб., 1895. С. 30.
- ³¹ Там же. С. 31–32.
- ³² Там же. С. 34.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 35.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Об учреждении при государственном Коммерческом банке Депозитной кассы по серебряным вкладам и об уничтожении лажа // РГИА. Ф. 1152. Оп. 2. 1837 г. Д. 136. Л. 221 об.

- ³⁷ Гурьев А. Н. Денежное обращение в России в XIX столетии. СПб., 1903. С. 107.
- ³⁸ Pintner W. M. Russian Economic Policy under Nicholas I. Ithaca; New York, 1967. P. 206.
- ³⁹ Сперанский М. М. Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. С. 21.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Кауфман И. И. Из истории бумажных денег в России. СПб., 1909. С. 82.
- ⁴³ Дубянский А. Н. Простонародные лажы в денежном обращении России в начале XIX века // ЭКО. 2012. № 10. С. 181.
- ⁴⁴ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 358–359.
- ⁴⁵ Там же. С. 360.
- ⁴⁶ Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia 1772–1839. Hague, 1969. P. 350.
- ⁴⁷ Новикова И. А., Рогачевская М. А. Проекты преобразования финансовой и денежной системы М. М. Сперанского // ЭКО. 2008. № 8. С. 188.
- ⁴⁸ Судейкин В. Т. Восстановление в России металлического обращения (1839–1843). М., 1891. С. 27.

References

DUBYANSKY A. N. *Prostonarodnye lazhi v denezhnom obrashchenii Rossii v nachale XIX veka*. [Common people's messes in the monetary circulation of Russia at the beginning of the 19th century. In Russ.] // ECO. 2012. No. 10. P. 181.

GURYEV A. N. *Denezhnoe obrashchenie v Rossii v XIX stoletii*. [Monetary circulation in Russia in the 19th century. In Russ.] St. Petersburg, 1903.

KAUFMAN I. I. *Iz istorii bumazhnyh deneg v Rossii*. [From the history of paper money in Russia. In Russ.] St. Petersburg, 1909.

KORF M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo*. [The Life of Count Speransky. In Russ.]. Vol. 2. St. Petersburg, 1861.

MIGULIN P. P. *Russkij gosudarstvennyy kredit*. [Russian State Credit. In Russ.]. Vol. 1. Kharkiv, 1899.

MIKLASHEVSKY A. N. *Den'gi. Opyt izucheniya osnovnykh polozhenij ekonomicheskoy teorii klassicheskoy shkoly v svyazi s istoriej denezhnogo voprosa*. [Money. The experience of studying the main provisions of the economic theory of the classical school in connection with the history of the money question. In Russ.]. Moscow, 1895.

NIKOLSKY P. A. *Bumazhnye den'gi v Rossii*. [Paper money in Russia. In Russ.]. Kazan, 1892.

NOVIKOVA I. A., ROGACHEVSKAYA M. A. *Proekty preobrazovaniya finansovoy i denezhnoy sistemy M. M. Speranskogo*. [Projects of transformation of the financial and monetary system of M. M. Speransky. In Russ.] // ECO. 2008. No. 8. P. 170–188.

PINTNER W. M. *Russian Economic Policy under Nicholas I*. Ithaca; New York, 1967.

RAEFF M. *Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772–1839*. Hague, 1969.

SHTEIN V. M. *Ocherki razvitiya russkoj obshchestvenno-ekonomicheskoy mysli XIX–XX vekov*. [Essays on the development of Russian socio-economic thought of the 19th–20th centuries. In Russ.]. Leningrad, 1948.

SPERANSKY M. M. *Zapiska o monetnom obrashchenii grafa Speranskogo s zamechaniyami grafa Kankrina*. [A note on the coin circulation of Count Speransky with the remarks of Count Kankrin. In Russ.]. St. Petersburg, 1895.

SPERANSKY M. M. *Mysli o novykh biletah Kaznachejstva*. [Thoughts on new Treasury tickets. In Russ.] // Russkaya starina. 1873. T. 8. B. 10. P. 585–588.

SPERANSKY M. M. *O zakonah. Besedy s Ego imperatorskim Vysochestvom Gosudarem Velikim knyazem naslednikom cesarevichem Aleksandrom Nikolaevichem M. M. Speranskogo s 12 oktyabrya 1835 po 10 aprelya 1837 goda*. [About the laws. Conversations with His Imperial Highness the Sovereign Grand Duke Heir Tsarevich Alexander Nikolaevich M. M. Speransky from October 12, 1835 to April 10, 1837. In Russ.] // Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. St. Petersburg, 1880. T. 30. P. 323–491.

SPERANSKIJ M. M. *Izbrannoe* / Vstup. slovo, sost. P. V. Krasheninnikov [M. M. Speransky. Favorites / Intr., comp. P. V. Krasheninnikov. In Russ.]. Moscow, 2015. P. 272–284.

SUDEIKIN V. T. *Vosstanovlenie v Rossii metallichesкого obrashcheniya (1839–1843)*. [Restoration of metal circulation in Russia (1839–1843). In Russ.]. Moscow, 1891.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. К. Романов. «Мысль Вашу я понимаю совершенно...»: роль М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 175–187

Аннотация: В статье рассматривается финансовая деятельность М. М. Сперанского в 1830-е гг. в контексте подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. Рассматриваемые автором записки М. М. Сперанского данного периода, посвященные финансовой тематике, плохо изучены. Если записки 1831 г. о казначейских билетах и 1839 г. о монетном обращении были опубликованы еще в дореволюционный период, то проекты середины 1830-х гг. в историографии неизвестны. Также в статье делается акцент на личном авторитете М. М. Сперанского, способствовавшем продвижению и консолидации финансовых реформаторских идей, что позволяет установить его подлинный вклад в деле упорядочения денежного обращения России в 1839 г.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, монеты, ассигнации, денежная реформа, Е. Ф. Канкрин.

FOR CITATION

P. K. Romanov. “I understand your idea completely...”: the role of M. M. Speransky in the process of preparing the monetary reform of 1839–1843 // Petersburg historical journal, no. 3, 2023, pp. 175–187

Abstract: The article examines the financial activity of M. M. Speransky in the 1830s in the context of the preparation of the monetary reform of 1839–1843. The notes of M. M. Speransky considered by the author of this period, devoted to financial topics, are poorly studied. If the notes of 1831 on treasury bills and 1839 on coin circulation were published in the pre-revolutionary period, then the projects of the mid-30s are unknown in historiography. The article also focuses on the personal authority of M. M. Speransky, who contributed to the promotion and consolidation of financial reform ideas, which allows us to establish his genuine contribution to the streamlining of the monetary circulation of Russia in 1839.

Key words: M. M. Speransky, coins, assignats, monetary reform, E. F. Kankrin.

Автор: Романов, Павел Константинович — аспирант Института истории СПбГУ.

Author: Romanov, Pavel Konstantinovich — postgraduate student of the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: pavel81292@gmail.com